

© 2019 Мансурова Юлия Насимовна
Mansurova Julia Nasimovna

главный юрист-консульт отдела правового сопровождения работы с реструктурируемыми активами управления правового сопровождения корпоративного бизнеса правового департамента ПАО Сбербанк

General Counsel of the Legal Support Department
Working with Restructured Assets, PJSC Sberbank

E-mail: Mansurova.Y.N@sberbank.ru

УДК 343.535

ПРИЗНАКИ КОРПОРАТИВНОСТИ ТРЕБОВАНИЙ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ SIGNS OF CORPORATE REQUIREMENTS IN BANKRUPTCY CASE

Ключевые слова: банкротство, корпоративное требование, квалификация отношений, стандарты доказывания, субординация требований кредиторов.

Keywords: bankruptcy, corporate claim, qualification of relations, proof standards, subordination of creditors claim.

В статье проанализированы актуальные на момент ее подготовки правовые позиции и выводы Верховного Суда Российской Федерации относительно определения признаков корпоративности требований кредиторов в деле о банкротстве, влекущие отказ в защите интересов таких кредиторов, как занимающих позицию в классе требований участников (акционеров) должника (в пользу защиты интересов независимых кредиторов компании, участвующих в распределении имущественной массы должника). Помимо прямо предусмотренного в законе перечня лиц, на которых, исходя из общих стандартов добросовестности, разумности и справедливости, следует относить риск банкротства должника (участники/акционеры должника по обязательствам, вытекающим из такого участия), правоприменительная практика допускает отнесение указанного риска на иных лиц, которые прямо или опосредованно связаны с должником и имеют к последнему требования, которые противопоставляются требованиям иных (независимых) кредиторов в процедуре банкротства. В статье приведен условный (на основании рассмотренных в высшей судебной инстанции кейсов) перечень признаков, по которым возможно установление взаимозависимого (корпоративного) характера требования кредитора в деле о банкротстве должника применительно к фактическим обстоятельствам спора. Обозначается ситуация, при которой за арбитражным судом остается широкое усмотрение при определении тех "маркеров" (отношений связанности кредитора с должником), которые, в отсутствие очевидно корпоративной природы правоотношений между кредитором и должником, могут свидетельствовать о

возникновении требования кредитора в привилегированном режиме. В статье также приводится специфика распределения арбитражным судом между участниками обособленного спора бремени доказывания (применение судом "асимметрии" доказывания) при проверке обоснованности требования корпоративного кредитора. С учетом релевантной судебной практики и в целях соблюдения принципа стабильности гражданского оборота автором статьи предложено закрепить основные критерии, определяющие корпоративную природу требования при банкротстве компании, на законодательном уровне или в порядке разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

This article analyzes the current legal positions of The Superior Court of the Russian Federation on corporate attributes of creditors claims in bankruptcy proceedings resulting in the waiver of protection of such creditors being the shareholders or corporate members (in favor of independent creditors, involved in the distribution of the competitive mass/collation). In addition to the law defining the list of individuals taking the risk of company bankruptcy (shareholders or corporate members), the enforcement practices allow to extend the similar risks to the other groups of people, directly or indirectly associated with the debtor and who have claims to the latter opposing the claims of other (independent) creditors in the bankruptcy proceedings. The article lists the provisions inherent to interdependent (corporate) nature of a creditor's claim in the view of the actual case circumstances (based on the cases examined in the supreme judicial court). The article also covers the situations when the arbitral tribunal has a wide discretion in determining the "markers" (of the creditor's connection to the debtor), which, in the absence of the obvious corporate nature of the relationship between the creditor and the debtor, may imply the arising preferences given to the creditor's claim. The article emphasizes the distribution of the burden of proof among the disputing parties (the arbitrary court applies the "asymmetries" of evidence) when validating the corporate creditor's claim. Taking into account the relevant judicial practice and complying with the principle of civil transactions stability, the author suggests to define the main criteria of the corporate nature of a claim in bankruptcy proceedings at the legislative level or as clarifications given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Направленность конкурсной субординации на корректное распределение правовых последствий банкротства должника делает актуальным анализ релевантных критериев противопоставления требований внешних (независимых) кредиторов корпорации требованиям корпоративным.

Классическим способом управления риском "корпоративной конкуренции" требований в деле о несостоятельности компании является активная процессуальная позиция внешнего (независимого) конкурсного кредитора должника и/или арбитражного управляющего при проверке арбитражным судом обоснованности требования связанного с компанией-должником лица (в том числе, учредителя / акционера должника; организации, входящей в одну группу с должником; контролирующего должника лица, в том числе конечного бенефициара; фактически аффилированного к должнику лица).

Рассматривая вступление в спор относительно корпоративности заявленного в деле о банкротстве требования (требования о включении в реестр требований креди-

торов), следует учесть подходы арбитражного суда при применении к участникам обособленного спора стандартов доказывания.

При рассмотрении подобных споров конкурирующему кредитору достаточно заявить убедительные доводы и (или) представить доказательства *prima facie*, подтверждающие существенность сомнений в наличии долга. При этом заявляющемуся кредитору не должно составлять затруднений опровергнуть указанные сомнения, поскольку именно он должен обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником [2].

Время доказывания обратного, в этом случае, переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником [3].

При проверке в порядке кассационного производства Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации [4] судебных актов, вынесенных по итогам рассмотрения требования акционера должника об установлении его требований в реестре требований кредиторов компании, Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснения, согласно которым при рассмотрении требований о включении неминоритарных акционеров (участников) применяется более строгий стандарт доказывания, такие акционеры должны не только представить ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности, но и опровергнуть наличие у такой задолженности корпоративной природы, в частности, подтвердить, что при возникновении долга они не пользовались преимуществами своего корпоративного положения (например, в виде наличия недоступной иным лицам информации о финансовом состоянии должника, возможности осуществлять финансирование в условиях кризиса в обход корпоративных процедур по увеличению уставного капитала и т.д.). Целью судебной проверки таких требований является исключение у суда любых разумных сомнений в наличии и размере долга, а также в его гражданско-правовой характеристике.

В другом деле Верховный Суд Российской Федерации [5] указал, что нежелание аффилированного кредитора представить дополнительные доказательства, находящиеся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, в силу статьей 9 и 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты.

Переходя к рассмотрению признаков корпоративности требований кредиторов в деле банкротстве, следует разграничить строго корпоративные требования, вытекающие из участия в уставном капитале корпорации, и требования юридически или фактически аффилированных к должнику лиц, основанные на гражданско-правовых сделках.

Федеральный закон N 127-ФЗ от 26.10.2002 "О несостоятельности (банкротстве)" (абзац восьмой статьи 2), далее по тексту - Закон о банкротстве, не относит к конкурсным кредиторам учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия, поскольку характер обязательств этих лиц непосредственно связан с их ответственностью за деятельность общества в пределах стоимо-

сти принадлежащих им долей. Обязательства должника перед своими учредителями (участниками), вытекающие из такого участия (корпоративные обязательства), носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами, то есть с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками оборота [6]. При заявлении учредителем (участником) должника подобных требований арбитражный суд отказывает в установлении их в реестре требований кредиторов должника.

Интерес вызывают случаи, при которых юридически или фактически взаимосвязанное с компанией-должником лицо предъявляет требование, вытекающее из формально независимых гражданско-правовых обязательств, не связанных с наличием общих (совместно с должником) экономических мотивов.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается [7].

Гражданско-правовые требования аффилированных лиц включаются в реестр требований кредиторов на общих основаниях.

Вместе с тем, складывающаяся правоприменительная практика допускает квалификацию требований взаимосвязанного с должником кредитора как корпоративного и влекущего отказа в противопоставлении данных требований требованиям независимых кредиторов корпорации, который можно рассматривать как плату за то, что участник общества может пользоваться привилегией ограничения собственной ответственности по долгам общества [8].

Как правило, данные требования контролирующих должника лиц или ему подконтрольных возникают после возникновения у компании-должника признаков неплатежеспособности и/или недостаточности имущества (по смыслу абзаца тридцать пять и тридцать шесть статьи 2 Закона о банкротстве) и/или объективных признаков банкротства (превышение совокупного размера обязательств должника над реальной стоимостью его активов).

Квалифицирующими признаками корпоративности предъявленного в деле о банкротстве компании требования могут выступать:

подконтрольность должника и кредитора единому центру, координирующему управленческие решения группы.

О подконтрольности должника и кредитора единому центру могут свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу [9].

На зависимый характер деятельности должника и кредитора могут указывать следующие обстоятельства - ведение переговоров по поводу заключения ряда сделок под контролем должника; выдача кредитором обеспечения за должника и/или его учредителя; суждения сотрудников незаинтересованных кредитных организаций, ко-

торые при кредитовании и оценке рисков рассматривали ряд лиц как группу; формализованные связи между отдельными членами группы и т.д.

Структурирование отношений между взаимозависимыми лицами позволяет искусственно сгенерировать у компании группы кредиторскую задолженность перед аффилированными лицами, которые впоследствии могли использовать такую задолженность для влияния на процедуру несостоятельности, в том числе для "размытия" доли требований внешних (независимых) кредиторов в реестре.

Подобный вывод может быть сделан при условии, что действия всех участников цепочки являлись согласованными, в частности, по причине существования единого координационного центра принятия решений относительно выстраивания юридических отношений между названными лицами и модели их поведения [10].

Установление данных обстоятельств подконтрольности должника и кредиторов может свидетельствовать о притворном характере заявленного требования (статья 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее по тексту - ГК РФ).

внутригрупповой, основанный на доверии, характер взаимных долгов кредитора и должника.

Одним из критериев, свидетельствующих о корпоративном характере предъявленного в деле о банкротстве требования, Верховный Суд Российской Федерации [11] определяет существо предъявленного требования, которое при ожидаемом от добросовестного участника гражданского оборота поведении подлежало оптимизации как внутригрупповое, но в условиях кризисного финансового положения связанной компании предъявляется для цели получения контроля и конкуренции с требованиями независимых контрагентов должника.

Так, Верховный Суд Российской Федерации указывает на следующее. Предполагается, что связанные организации, контролируемые одним центром, не имеют разумных причин взыскивать долги друг с друга, в связи с чем презюмируется, что взаимные долги прекращаются в результате внутригрупповой оптимизации и не подлежат взысканию в судебном порядке. В обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно, как правило, стремятся оптимизировать внутригрупповые долги. Наличие между ними доверительных отношений, их подчиненность единому центру позволяют таким организациям находиться в процессе оптимизации сколь угодно долго. Поэтому временной разрыв не имеет правового значения для правильной квалификации внутригрупповых сделок.

Основанная на доверии оптимизация внутригрупповых долгов, таким образом, не предполагает предъявление встречных взаимных претензий (несмотря на наличие формальных оснований).

Следует отметить, что в условиях, когда срок исковой давности предъявления должником требования к связанной организации (контрагенту) истек, предъявление встречного требования контрагента к должнику в деле о банкротстве последнего расценивается судом как злоупотребление правом по смыслу статьи 10 ГК РФ.

сокрытие от кредиторов механизма привлечения денежных средств на нужды должника в отсутствие договоренности с мажоритарными кредиторами по поводу субординации требований аффилированных к должнику лиц.

Субординация требований связанного с должником лица, часто встречающаяся в банковской практике, и зафиксированная в соглашении с внешним (независимым) кредитором (к примеру, путем включения соответствующих ковенантов в кредитном соглашении) может рассматриваться как действия, направленные на заключение впоследствии соглашения между кредиторами о порядке удовлетворения их требований к должнику (статья 309.1 ГК РФ). Договорившись об этом, кредитор согласился с тем, что требования участников группы компаний должника могут быть ему противопоставлены без возражений по мотиву необходимости понижения их очередности [12].

Следует отметить, что передача контролирующим лицом прав (требований) в пользу независимого кредитора, в том числе в порядке сингулярного правопреемства, исходя из формирующейся правоприменительной практик [13], не может изменить правовой режим данного требования в рамках дела о банкротстве. Иное толкование позволяет недобросовестным участникам оборота обойти правило о запрете включения в реестр требований кредиторов требований корпоративного характера.

Обозначенные выше признаки корпоративности требований не являются исчерпывающими и в большей степени определяются арбитражным судом, который в каждом конкретном случае исследует природу отношений, сложившихся между должником и кредитором.

Такой подход, с одной стороны, позволяет дифференцировать действительно реальные, не связанные с корпоративными связями, имущественные требования аффилированных лиц для целей соблюдения принципа равенства (*pari passu*) требований независимых кредиторов в банкротстве, с другой стороны, оставляет широкое усмотрение суда относительно оценки критериев корпоративности данных требований.

Представляется, что внесение в законодательное регулирование и/или в порядке разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации четких базовых критериев корпоративности требований кредиторов позволит достичь большей определенности и предсказуемости, в том числе для арбитражных управляющих и внешних (независимых) кредиторов, относительно формируемого при несостоятельности корпорации реестра требований кредиторов и перспектив его соразмерного и справедливого погашения, что, в свою очередь, повлияет на оценку участниками гражданского оборота экономических рисков вступления в деловые отношения с контрагентом до возникновения у последнего объективных признаков банкротства.

На момент подготовки настоящей статьи Верховным Судом Российской Федерации разрабатывался проект Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением требований контролирующих лиц в процедурах банкротства.

* * * *

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 N 308-ЭС16-1475 // СПС "КонсультантПлюс".

2. Определения Верховного Суда Российской Федерации: от 13.07.2018 N 308-ЭС18-2197, от 04.06.2018 N 305-ЭС18-413, от 23.08.2018 N 305-ЭС18-3533, от 23.07.2018 N 305-ЭС18-3009 // СПС "КонсультантПлюс".

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2019 N 305-ЭС18-17629(2) // СПС "КонсультантПлюс".

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2018 N 305-ЭС18-413 // СПС "КонсультантПлюс".
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2019 N 305-ЭС18-17629 // СПС "КонсультантПлюс".
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2018 N 305-ЭС17-17208 // СПС "КонсультантПлюс".
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2019 N 305-ЭС18-17629(2), от 04.02.2019 N 304-ЭС18-14031 // СПС "КонсультантПлюс".
8. Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. N 6. С. 221 - 240.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2019 N 305-ЭС18-17629 // СПС "КонсультантПлюс".
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2019 N 309-ЭС18-22030 // СПС "КонсультантПлюс".
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2019 N 305-ЭС18-18943 // СПС "КонсультантПлюс".
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 N 304-ЭС18-14031 // СПС "КонсультантПлюс".
13. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2019 N 15АП-3101/2019 по делу N А32-47630/2018 // СПС "КонсультантПлюс".